

Ночь
между
июлём
и
августом

.....

Ночь
между
июлем
и рассказы
августом

Дарья
Золотова

альпина

Проза

Москва, 2025

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44
3-81

Редактор Аглая Топорова

Золотова Д.

3-81 Ночь между июлем и августом : [рассказы] / Дарья Золотова. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 192 с.

ISBN 978-5-00223-412-7

Десять историй о том, что быть вместе не значит не быть поодиночке. Герои рассказов Дарьи Золотовой пользуются социальными сетями и приложениями для знакомств, ищут близких по духу и душе, соблюдают чужие границы и выстраивают собственные, но всё это не спасает их от внутренней пустоты. Современность предложила множество способов объединиться, но никто так и не дал ответа, что же на самом деле делает людей родными.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-412-7

© Д. Золотова, 2025
© Художественное оформление, макет.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

Вино и хлебный нож

.....

Рита сунула палец меж губ, тщательно промазывая их помадой. По поверхности пыльного зеркала расплывалось алое пятно её рта. Всю остальную Риту — русые волосы сероватого оттенка, бледное лицо, начинающееся узким прыщавым лбом и кончающееся треугольным подбородком, блёклые глаза цвета талого снега — видно было гораздо хуже. Рита улыбнулась отражению — не так, как в жизни, а как хотела бы в жизни, — и хищно красный рот напротив её взгляда изогнулся, дрожа. Рита потянулась за тушью, чтобы сделать себе взгляд под стать этому рту — и вдруг что-то тяжело упало в соседней комнате, а затем мужской голос — несомненно, голос Марка — произнёс на выдохе: «Т-твою м-мать!» И потом ещё: «С-сука!»

Рита не почувствовала, как разжались пальцы, но тушь как-то проскользнула меж них, и ковёр впитал звук и растекающееся пятно темноты.

Она была не одна в квартире — в чужой квартире. В Лилиной квартире.

Аккуратными мелкими шажками Рита добралась до двери и, приоткрыв её, вероломно скрипучую, в половину тела, протиснулась в коридор. Выкатиться из него на лестничную клетку столь же бесшумно у неё бы не вышло, и потому Рита просто замерла, отупелым взглядом обводя нежилую, отдающую металлом гладкость современно отремонтированных стен,

скользкий даже на вид кафель на полу, всей поверхностью радостно отражающий электрические блики, чистейше белый и чистейший... но тут взгляд запнулся о маслянисто блестящее алое пятно посреди чиста пола. Пятна было два. Пятна было три. Пятна было... пятен было много. Неровной, но отчётливо сложившейся дорожкой, точно хлебные крошки в сказке, они тянулись к двери кухни. Дверь пришла в движение, казалось, едва стоило Рите это понять, и она застыла, покорно позволив дверному проёму раскрыться и исторгнуть в коридор Марка.

В руке Марк сжимал нож. Нож был ал, и алое капало с него, продолжая плавную линию неровными беспорядочными мазками. Пахло ржаво и солоно, и оттого брыкалась тошнота в Ритином горле, просилась наружу.

— Рита? — спросил Марк, и его брови приподнялись: они единственные казались живыми на маске неподвижного в остальном лица. — Ты к Лиле? Она сегодня на вечеринке, ты же знаешь.

— Я забыла, — сказала Рита, заставляя себя глупо улыбаться, растягивая губы клоунски, до боли, — но теперь, кажется, вспомнила. Ты же тоже вроде должен быть с ней? Привет, Марк.

Марк мягким движением передёрнул плечами, скрытыми за свитерной толщей. Свитер был уютный, из тех, что любят называть «уродливыми», хотя они празднично-преlestны — зелёные ряды тщательно провязанных ёлочек на синем фоне зимней ночи. Свитер тоже успел несколько пропитаться алым — на синем не было видно алого, было видно только, что синий цвет по краям набух и налился загустевшей темнотой. Но Рита знала, что это оно — оно, алое.

Давай, скажи это, командовала она самой себе внутри своей головы. Ну? Кровь.

— Я не пошёл, — столь же мягко, неестественно спокойно сказал Марк. — Лиличке хотелось повеселиться как следует, я бы только мешал. Красивый макияж.

Только тут Рита осоловело вспомнила о своих выкрашенных в кричаще-красный губах.

— Спасибо, — почти на автомате выговорила она. — Красивый нож. Ты... ты готовишь что-то, да?

Он резво задвигал улыбающимся, соглашающимся ртом, и Рита почувствовала, какое облегчение задышало в нём. Лицо ожило и налилось румянцем довольства.

— Это для Лилички, — сказал он так, точно держал во рту нечто необыкновенно сладкое. — Я немного разлил вино, прости за беспорядок. Читал в интернете, как открыть вино ножом.

Рита вторила его смеху. Внутри у неё всё дальше и дальше разверзалась ледяная полость.

У вина не бывает такого маслянистого блеска. От вина не бывает такого запаха. Только последняя дурочка поверила бы ему насчёт вина. К счастью, Рита считалась последней дурочкой. Только потому, скорее всего, она до сих пор оставалась жива.

— Хочешь, подождём её вместе? Проходи, пожалуйста, в зал, я принесу тебе вина.

Рите, наверное, стоило отказаться — но тогда Марк мог бы что-то заподозрить. А в руке у него по-прежнему был нож.

***

Первым был запах: гель для укладки и духи, залитые в углубление её длинной белой шеи. Потом были струи пышных, эффектно завитых волос, стекающих от её щеки прямо к Лилиной, ниспадающие в Ритину тетрадку с конспектами.

Не решившись отодвинуть чужие волосы своей рукой, Рита полуобернула голову и наконец увидела Лилю.

— Тань, я с тобой посижу сегодня? — Даже изо рта у неё, казалось, пахло чем-то сладким, кружащим голову: розами и кремовыми розочками на пирожных.

Рита, сутулясь, кивнула и даже не решилась поправить, что она не Таня, а Рита. Таней звали другую невзрачную девочку с их курса — волосы у неё были другого оттенка русого и глаза были серыми по-другому.

Лиля села рядом с Ритой и завтра, и послезавтра, а на третий день даже запомнила наконец, что её зовут не Таня.

Лиля была немного постарше Риты, и не только потому, что вышла из академа, но и потому, что долго, как она объясняла, искала себя. В ходе своих исканий она сменила три факультета в двух вузах, а также успела несколько месяцев пожить в сёрферском лагере на Бали, где удалённо управляла бизнесом по росписи менструальных чаш и в конце концов прогорела. Все девчонки в группе слушали эти рассказы разинув рот, не только Рита — но Рита, возможно, разевала рот шире всех, так что в скором времени они с Лилей стали подругами.

Лиля водила Риту по барам и кофейням, покупала цветные коктейли, такие же разноцветные латте, которые стоили столько же, сколько день Ритиной редкой подработки. Говорила — пожалуйста, пей. Рита — спасибо, пила. Иногда, если у Лили не было разгрузочного детокс-дня, они ещё и ели: итоговая сумма обычно получалась больше Ритиной ежемесячной социальной стипендии.

Ещё Лиля водила Риту по музеям, галереям, спектаклям и операм, специальным кинопоказам, концертам очень андеграундных групп с плохо поющими вокалистами, всевозможным паблик-токам или опен-токам, Рита так и не запомнила,

как это правильно называется. По итогам Лиле обязательно хотелось обсудить увиденное — Рите же, как правило, сказать было нечего.

— Н-ну... — с трудом выдавливала она из себя, — прикольно.

Иногда оказывалось, что оценка прикольности в данном случае неуместна, и Лиля долго читала ей лекции о том, как правильно понимать искусство.

— Нет, ну ты же как-то поступила на бюджет, — вырвалось у неё однажды. Лиля, хотя у её родителей определённо хватило бы денег и на платное, сама была на бюджете и считала это главным критерием интеллекта.

— По квоте, — пришлось Рите признаться. — Я сирота.

Лилины губы издали длинное «Ооооох» и ещё некоторое время беззвучно шевелились по инерции. С тех пор она относилась к Рите с ещё большим участием и даже о впечатлениях больше не спрашивала, а сразу начинала лекцию — образовывала. Лиля очень старалась быть доброй и каждый день побивала новый рекорд доброты. Рита была её тренажёром.

Лиля настроила автоматическое списание денег с карточки на десять благотворительных фондов и, так как деньги на карточке лежали всегда, даже не замечала этого. Лиля сдавала старую брендовую одежду на переработку и ежемесячно покупала новую, ещё более брендовую. У Лили были наращённые крепкие ногти, напитанные лосьонами волосы, выбеленные зубы, выровненный цвет лица. Ещё у Лили были собственная квартира и муж, и оба обстоятельства поначалу поразили Риту до глубины души.

Квартира была не съёмная, даже не в ипотеку — полностью своя, в полном объёме оплаченная Лилиными родителями. Муж тоже был настоящий, не сожитель,

не гражданский — как положено, были свадьба с белым платьем, загс и тамада: Лиля говорила об этом, с презрением полупряча глаза за веки. Потом — медовый месяц в Гонконге: у Лили до сих пор во всех соцсетях на юпе стояли фотки, где она и Марк обнимаются с гигантской Минни-Маус в гонконгском Диснейленде.

Марк — это Лилин муж и был. Его волосы вились и волнами спускались к плечам, подбородок пополам делила чёрточка-ямочка. Кожа его правильно овального лица казалась совсем розовой, как детское мыло. Выглядел он как ровесник скорее Риты, чем Лили, хотя на деле был старше их обеих.

Кем Марк работает, Рита не очень точно представляла — какой-то менеджер, проджект или продакт или среднего звена. У него был гибкий график гибридного формата — это значило, что потенциально каждый его рабочий день мог начаться сколь угодно рано и продолжаться сколь угодно долго и ещё его в любой момент срочным голосовым сообщением могли вызвать в офис, хотя формально он вроде как в любой день мог предпочесть удалёнку.

В те дни, когда удалёнка оставалась удалёнкой, Марк умудрялся заниматься помимо работы и домашними делами. Готовка и уборка были целиком на нём — Лиля выросла в квартире, в которую регулярно наведывался клининг, до замужества либо питалась в ресторанах, либо заказывала доставку. Жила бы так и после замужества, но Марк сам уговаривал: «Ну ты сама подумай, к чему так тратиться каждый день? Давай лучше подкопим и ещё куда-нибудь съездим, на свои. В Дубай, а?»

Они с Лилей любили друг друга с киношной силой, как любят друг друга парочки в общественном транспорте, раздражающие всех, кто не они. Тыкались ртами, склеивались телами, впутывали пальцы друг другу в волосы и извивались

ими там, вжимались кожей в кожу и тёрлись, помечая друг друга своим запахом. Марк варил Лиле бульон с дрейфующей по тарелке половинкой яйца, варил кофе и пытался рисовать на пене сердечко, но выходило всегда хаотичное месиво линий, по которому можно было гадать, как по кофейной гуще. Лилия покупала Марку подарки на подаренные папой деньги и сразу заставляла примерять эти галстуки, часы, солнцезащитные очки, дизайнерские панамы в стиле Grandpa core, и делала фотографии, и сразу выкладывала в соцсети с хештегами #моймуж, #модныймарк, #мурк, #любимка, #мужская-мода, #male_fashion, #семья, #любовь. Она звала его Мурк, он её — Лиличка, нежно-нежно, как Маяковский.

У Риты иногда в голове не укладывалось — как это так вышло, что у одноклассницы, пусть и на пару лет старше, уже есть муж? Не просто парень, с которым она съехала — а самый настоящий, вправдашний муж, и после пар и посиделок в баре или кофейне она едет в собственную квартиру к собственному мужу, и они планируют семейный бюджет, путешествия, лет через десять — детей?.. Это казалось то чем-то ошеломительно прекрасным, то нелепым, как затянувшаяся игра в кукольный домик.

У Риты тоже, конечно, были отношения — сначала в девятом классе, потом на первом курсе. С её первым парнем она стала встречаться, когда он потрогал её за грудь — это само по себе совсем не было приятно, но приятен был тот факт, что у Риты есть грудь, её можно увидеть и даже ощутить: такой же приятный трепет она ощутила не в теле, но в уме годом ранее, когда какой-то лихо промчавшийся мимо старшеклассник на бегу шлёпнул её по заднице. После случая с грудью они с тем парнем шупали друг другу языками внутренности рта, и это тоже приятно было только умом.

Второй парень тоже больше не говорил, а трогал. Его рука постоянно лежала на Ритином колене, бедре или кисти — так человек, едущий в метро с чемоданом, постоянно придерживает его, обозначая: это моё. И Рите нравилось быть его, иметь на себе бирку его ладони. Ей нравились полные раздражения взгляды, всегда сопровождающие слипшиеся парочки в таких ситуациях. Эти взгляды ненавидели её — зато они её видели. Наедине, в постели, когда видеть её мог только он, Рита чувствовала только усталость от его тяжёлого тела.

Теперь, на третьем курсе, Рита знала уже для себя, что не любила ни одного, ни другого. Она любила иллюзию любви — когда что-то, что не ты, вторгается вдруг на территорию твоего тела, и ты сама копошишься в чужом и присваиваешь его себе, без запроса и без вопроса, по праву владения, и все вокруг видят и завидуют. Рита знала это, потому что всегда завидовала сама — и до своих отношений, и между ними, и после, и даже во время них, если ей случалось вдруг где-то быть одной, без парня. Глядя, как другие целуются на эскалаторе, обжимаются в вагоне трамвая, Рита испытывала одновременно отвращение к ним, стыд за своё одиночество и жгучую, злую зависть. Хотелось уничтожить каждую. Хотелось быть каждой.

Испытывала ли она подобное, глядя на Лилу и Марка? Об этом она запрещала себе думать. Лилия была её подругой, лучшей, потому что на данный момент единственной, а Марк... Приятелем, может быть.

Такую квартиру, как у подруги и приятеля, Рите тоже, конечно, страстно хотелось бы иметь. Всё здесь завораживало её: мертвенно-бледные стены холодного цвета кафеля, злой электрический свет, неестественный, как в зубном кабинете, мебель будто только из мебельного магазина, будто

за столом никто не ест, на диване никто не сидит, на кровати никто не спит ни в одном из возможных смыслов.

— Да ну, здесь же всё неживое, — сказала как-то Лиля в ответ на очередные Ритины восторги. — Без души. Сюда можно людей взамен «Икеи» водить.

— «Икея» живет, — сказала тогда Рита, и это был не комплимент «Икее». В городе, где Рита росла, «Икеи» не было — но были толстые белые каталоги с тонкими, хрусткими белыми страницами и бесконечными рядами одинаковой белой мебели на них. Именно эти каталоги, которые раздавали бесплатно распространительницы с неулыбчивыми лицами, сформировали Ритин вкус и представление о богатстве. Это, в сущности, в её случае было одно и то же.

И Лиля, и Марк пытались одно время по мере сил овеществовать и тем самым одухотворить своё неживое, нежилое жильё: Марк расставлял по полу вазы, по вазам — пучки цветов, Лиля заполняла зияющие полости полок недопроданными расписными чашами, развешивала по стенам написанные цветными ручками аффирмации. Потом оба сошлись на том, что вышла пошлость, и вернули квартире её мертвенную чистоту от любых проявлений индивидуальности.

Рита любила проводить здесь время. Она вмерзала в окружающую белизну, замирала на скользкой бежевой коже дивана и замороженно вглядывалась в лицо гигантского телевизора. Он включался в этом доме исключительно для неё: ни Лиля, ни Марк телевизор не смотрели. Рита тоже, конечно, этим не занималась, когда приезжала в родной город к бабушке. Но у Лили-то в квартире было совсем иное дело — качество изображения на плоском и длинном прямоугольнике казалось не хуже, чем в кинотеатре, а самое

главное — там были кабельные каналы, штук двести каналов, несмотря которых ежемесячно оплачивал Лилин папа. «Чтобы всё как у людей», — говорила про это Лиля тем же тоном, что и про загс и тамаду.

Рита по такой логике была нелюдем — о кабельных каналах она бессильно мечтала всё детство, но оставалось только слушать рассказы везучих одноклассниц да забегать раз в пару месяцев к кому-нибудь из них в гости и присасываться глазами к экрану, пока не выгонят или не вызвонит мама. У каналов были удивительные названия, напоминавшие по звучанию марки иностранных шоколадок — только шоколадки хотя бы можно было купить. Jetix, Nickelodeon, Cartoon Network, Gulli. Когда Рита выросла, все мультики, которые там шли, конечно, уже можно было найти в интернете, а интернет стал дешёв и быстр. Она пробовала, но это было абсолютно не то, как новогодняя ёлка в мае.

— Я, наверно, очень вас стесняю, да? — спросила как-то Рита у Марка, когда он по настоянию Лили вышел проводить её до метро, потому что Рита опять засмотрелась до темноты, а Лиля всегда за неё волновалась, как за непутёвую младшую сестрёнку. — Торчу у вас как идиотка с этими мультиками.

— Совсем нет, — голос у Марка был как один из его свитеров: мягкий, тёплый, но с едва ощутимой шершавинкой. — На самом деле я даже знаешь что скажу? Я тебя понимаю. Честно. Я сам в детстве мечтал о кабельном. Одноклассники у меня смотрели аниме по каким-то каналам, у меня таких не было. Я покупал пиратские диски, чтобы хоть как-то быть в курсе и влиться в компанию. Все карманные на них спускал. Не влился.

Рите захотелось сказать ему что-нибудь сочувственное, но она так и не смогла придумать что. Сама она всегда была влита во все компании — там её беззлобно терпели.

— Я бы и сейчас сел посмотреть, — Марк приостановился у входа в метро, продлевая момент откровенности. — Но как-то глупо себя чувствую, не знаю. Ощущение, что Лиличка не поймёт. Вот ты, Рит, — ты совсем другая. Ты не стесняешься никому никем показаться, ты просто такая, какая есть. И оставайся такой, хорошо? Не слушай никого, не позволяй себя переделывать ни под чьи стандарты. Даже если... Ладно, я что-то много болтаю, а уже так поздно и тебе надо ехать, да? Ты прости.

Он неловко приобнял её на прощание бесконечно длинной рукой. Рита смотрела ему в подмышку и дышала его едва уловимым запахом.

Лиля тоже совсем не была против Ритиных мультиков — она этому умилялась, как если бы Рита была лет на десять младше и заскакивала к ним домой после школы. Лиля дала ей запасные ключи, Лиля сказала — приходи в любое время. Даже если нас нет дома, ты слышишь? Включай телевизор, включай что угодно. Наш дом — твой дом.

Рита слышала. Даже если их нет дома.

В какой-то момент она стала приходить со своими ключами, только если их гарантированно не было дома. В какой-то момент она стала уходить раньше, чем кто-либо из них вернётся. В какой-то момент она впервые ушла отсюда, унося с собой в сумке невесомый тюбик помады и увесистую коробочку теней. Она знала, что Лиля подарит, если попросить. Но в том-то и дело, что по какой-то странной прихоти сознания ей принципиально не хотелось просить.

В какой-то момент всё пошло не так. Ужасно, ужасно, ужасно не так.

***

И вот теперь Рита и Марк — муж Лили, убийца Лили, — сидели бок о бок на скользкой спине дивана, и телевизор отражал их бледные напряжённые лица сквозь слой пушистой пыли.

— Включить? — спросил Марк, и его голос был так близко от её кожи, что левая, сопряжённая с его телом половина шеи покрылась крупными, ледяными, как градинки, мурашками.

Рита неуверенно кивнула — нет, не кивнула, просто подбородок дёрнулся, как у паралитика. Тело затекло, сдавленное страхом.

Телевизор щёлкнул, моргнул и показал мутно-серых парней в майках. Экран рябил, будто в телевизоре у Ритиной бабушки. Мутные майки пели что-то старое, иностранное, неуловимо знакомое.

— Сейчас переключу, ты на каком обычно смотришь? Прости, я сам не помню.

— Не надо, — выдавила Рита остатки голоса в воздух. — Хорошая песня, я её раньше слышала. По радио.

— Я тоже, — отозвался Марк — Рита ощутила, как его тело, иллюзорно расслабленное, откинулось спиной на спинку дивана. — Я когда-то много слушал радио. Что-то как из другой жизни, да? — Молчание длиной в два испуганных Ритиных вдоха. — Я иногда включаю этот канал, когда дома один. Как у тебя мультики вот, да. Только я бы, наверное, не смог включить при Лиличке. Она не знает.

Парни пели, потом показывали почему-то каких-то плавающих рыб. Потом рыбы плавали между парней. Рита

отупело смотрела в тупые рыбы глаза и чувствовала себя ей, бессловесной, неуместной.

— Выглядит, как будто я жалуюсь, да? — он, кажется, повернул к ней свой разделённый ямочкой подбородок, но у Риты не было ни сил, ни смелости ответить тем же. — Не подумай, Рит, правда. Ты же знаешь, как я люблю Лиличку. — Да уж, внутренне содрогнулась она. Чересчур хорошо знаю. — Но я с ней как будто постоянно должен быть... не совсем собой. Кем-то, может быть, лучше, чем я. Может, это и было бы чрезвычайно хорошо для меня — быть таким человеком. Но что поделать, я не родился им... Рит, ты пей, не стесняйся. Я налил нам обоим, нам с тобой.

Рита слепо потянула руку к бокалу. Там, конечно, могло быть снотворное, или яд, или... Страшно было пить, но и не послушаться было страшно. Рита сделала длинный тёплый глоток. Подождала немного. Она не умирала. В телевизоре мутно-серые парни обнимали чучело кролика — или игрушку, может быть. Рите хотелось верить, что игрушку. Ей не хотелось думать ни о чём мёртвом.

— Вино прекрасное, правда? — заметил Марк. — Это Лиличка научила меня его пить. Научила, собственно, тому, что это — прекрасное вино. Но знаешь, — он подержал вино во рту, посмаковал, проглотил и после этого продолжил: — но знаешь, я читал где-то об одном исследовании. Там дегустаторам, профессионалам, дали отгадывать, где дешёвое вино, а где элитное. Они не могли догадаться. Вкус вину придаёт его цена.

Рита не представляла, к чему это он клонит, и неотрывно смотрела в телевизор. Там, как назло, показывали рекламу.

— И с этим, — Марк мотнул в сторону телевизора головой, — то же самое, я думаю. Почему он так притягивает

нас с тобой? Потому что в детстве у нас такого не было. Такое было у богатых.

— Лиля же не счита...ет себя богатой, — вставила всё же Рита голосом, вдавленным в грудь, еле осмеливающимся высунуться. — Она на это обижается же, ты же знаешь.

— Да, — согласился Марк, тоже задумчиво глядя на экран, на рекламу. — Всё зависит от того, с чем сравнивать. У всех богачей есть друзья ещё богаче их. Лиличка... не совсем понимает, что даже в Москве не любая семья может позволить себе купить квартиру не в ипотеку. Она говорит — ну, они же копили... и продали квартиру бабушки... Такие бабушки тоже не у всех есть, знаешь ли. — Его лицо опять обернулось к Ритиному. — Извини, я правда не жалею, ничего такого не хочу сказать. Я просто... не знаю. Иногда я об этом много думаю.

Из-за этого он её убил? Из-за денег? Из-за квартиры? Холодным железом проворачивались у Риты в голове эти мысли, которых ей не хотелось думать. И скользили между ними другие, думать которые было ещё страннее и невыносимее, — а разве он не прав? А самой Рите разве не приходило всё это на ум? Она хлебнула ещё вина: горячая горькость втекла в горло.

— Я просто почему-то очень тебе доверяю, — Марк вертел свой опустевший бокал за ножку между пальцев, и пальцы казались длиннее ножи. — Дело даже не в том, что ты милая, хорошая, что я к тебе привык. Мы просто... примерно как земляки, что ли.

— Но мы же из разных городов, — вставила Рита только чтобы поддержать свой статус дурочки. На самом-то деле она почти понимала, что он хочет сказать.

— Все немосквичи в Москве — земляки. Но вообще я имел в виду — как если бы, знаешь, мы с тобой говорили на одном языке, а с Лиличкой переходили на иностранный...

Мы его хорошо знаем, может быть. Но учили мы его уже во взрослом возрасте.

Рита молчала, не зная, что лучше с точки зрения безопасности — продолжить показательно не понимать или подтвердить, что это сходство ему не померещилось, что оно отозвалось в ней... И ведь это была бы правда. Его мысли могли бы быть её мыслями, если бы она умела думать подробно и долго. Если бы не запрещала себе думать.

— Ты, наверное, голодная? Кто знает, сколько нам тут ещё сидеть... Давай принесу тебе хлеб хотя бы — тыквенный, бездрожжевой. Лиличка его очень любит.

Рита побоялась его останавливать.

Марк вышел, и она подумала — вот сейчас она может выскочить из комнаты, добежать до коридора, а там — до входной двери... Но потом она подумала, что Марк из кухни намного быстрее сможет добраться до неё, чем она — из комнаты до коридора. Так что Рита продолжила сидеть и прилежно разглядывать мельтешащего на экране Майкла Джексона в белой шляпе. Про эту песню она когда-то в школе смотрела видео со смешной расшифровкой текста: «Аню ели волки, поедай нас, зачем, волки...» Она не двинула ни одной частью тела, за исключением глаз, поневоле вынужденных моргать.

Может быть, было и что-то ещё, что заставляло её оставаться.

Марк вернулся, кажется, очень быстро — она не успела бы добежать — и нёс рыжеватый куций хлеб, ошетилившийся семечками, на большом белом блюде. Тут же на блюде был и нож — тот самый нож, только чисто отмытый, блестящий не от крови уже, а от собственной серой гладкости. Рита старалась смотреть на что-нибудь другое, но смотрела всё равно на нож, на странные мелкие зазубринки, тянущиеся по его нижней части, как оборки по подолу платица.

— Какой интересный, — сказала она, чтобы хоть как-то оправдать свой повышенный интерес к ножу. — Я такого раньше не видела.

— Это специальный хлебный нож, — пояснил Марк, ставя блюдо прямо на диван. — Лиличка любит всё специальное. Я не стал уж сам нарезать, отрежь себе сколько хочешь.

Специальный нож вошёл в специальный хлеб легко и хрустко. У меня в руках нож, у меня ведь в руках нож, думала Рита всё то время, что у неё в руках был нож, и поскорее поспешила отложить его в сторону, к самому краю блюда. Марк мог бы в два счёта дотянуться до него, если бы захотел, — но пока что он никуда не тянулся. Из телевизора тянулась медленная, длинная музыка.

— Знаешь, Рит, я очень устал, — говорил Марк, пока Рита перемалывала на зубах хлебную мякоть, скрытую за кожей корки. — Не от работы, на неё-то наплевать. Эта квартира на меня давит, я как грязное пятно в ней. Как будто если станешь по ней в семейниках ходить, сами стены тебя осудят. Умный дом, умный домофон, умный чайник — один я тупой. Пылесос этот тоже вот умный — забавная штука, конечно... И пылесосит, и моет, и сам себя в угол ставит, когда всё сделал. Я сам себя тут иногда чувствую таким пылесосом.

Его речь казалась бессвязной то ли от вина, то ли от подавленных эмоций: они будто кипятились где-то глубоко в нём, а до Риты долетал лишь пар. И тем не менее именно сейчас она яснее всего понимала, что он имеет в виду. Она не обращала больше внимания на телевизор. Она смотрела только на Марка.

— И соответствуй, всё время соответствуй, иначе найдётся пылесос поновей, более умный. Саморазвивайся

давай, духовно совершенствуйся — как с работы приползёшь, руки болят, спина затёкшая, так давай и совершенствуйся. А то окажется, не дай бог, что ты не смотрел Годара, не читал Бодрийяра — как ты потом этими глазами, не смотревшими, не читавшими, ей в глаза взглянешь? Что первично, сознание, бля, или бытие? Боль моя в жопе первична, а уж чем она там порождена — бытием, сознанием, — это уж не мне разбирать, а тем, у кого есть деньги на то, чтобы у него было время на то, чтобы философствовать о такой херне... И господи, будь они хоть реально богатые, как вот ты говоришь! Такие-то редко встречаются, места знать надо, а вот эти — духовно богатые, физически небедные — повсюду, куда ни плюнь.

Рита подумала о Лиле, о том, как она кидала в личку файлы с книгами, которые обязательно нужно прочитать, и Рита открывала их и не понимала каждое третье слово, и не было времени на то, чтобы вникать, потому что нужно было готовиться к экзаменам или отвечать по подработке матерящимся мужикам добрым техподдерживающим голосом. И как Лиля спросила, в каких странах она хотела бы побывать, и Рита сказала — в Турции, в отеле, и Лиля стала смеяться, открывая большие белые зубы. И как Лиля никогда не рассказывала родителям, что Риту зовут Рита: отвечала на их звонки и говорила с вялым равнодушием — ну, я тут с девочкой. Она думала всё это и ощущала в своём теле крепкую, давно родившуюся злость.

— И вот так и машут они своим духовным богатством, — продолжал Марк, застыв меж диваном и телевизором, точно ещё один предмет интерьера, — подкараулят тебя, настигнут — и ну духовное богатство демонстрировать. А кто им для этого нужен? Точно не другой духовно богатый, они друг об друга аннигилируются. Мы с тобой им нужны,

Рит, — нищие духом и кошельком, пролетарии умственного труда. Из нас можно лепить человека, но, конечно, недолепить — как им иначе чувствовать своё превосходство? Поставить галочку в трекере добрых дел — норматив выполнен. Ты думаешь, я её не любил? Любил, твою мать! Да я тапочки ей в зубах носил! И не дождался ничего, кроме подачек за сотню долларов — на тебе платочек, на свитерочек, пусть весь интернет знает, как я тебя люблю. Да ты для меня хоть раз что-нибудь сделай — для меня, а не для интернета, не для эго твоего! Нет, это мы не можем, это мы не умеем, этому нас мама с папой не научили — сами не умеют, квартирами и Гонконгами от любви откупаются.

Но он убил её, продолжал пищать какой-то голосок на отшибе Ритино сознания. Убил её ради страховки, ради этой квартиры. Он сделал то, что сделал, что бы он ни говорил, и говорил-то он одно враньё — и не любил он её, и идей никаких таких у него не было, это он специально сейчас для Риты навертел или, может, для себя самого. А Лиля была её подругой — лучшей, единственной. Она столько сделала для Риты и не требовала взамен ничего, кроме благодарного взгляда снизу вверх. Она...

— Ты плачешь? — спросил вдруг голос Марка над самым ухом, и только тогда Рита это поняла. Он стоял теперь над ней, плечо нависало над плечом. Рита нащупала рукой руку и утопила всхлипы в его шерстяном рукаве. — Ну вот, довёл тебя до слёз. Прости, прости, я подонок, прости... Не слушай меня, не надо. Я пьян, я чёрт знает что несусь.

— Я... я не знаю, — пробормотала Рита, и шерсть съела её слова. — Мне так тебя... мне так себя...

Он приподнял её лицо за подбородок и целовал всё произнесённое с её губ. Никто их не видел и не мог увидеть, но Рита дрожала и едва могла дышать — такого не было

у неё ни с первым, ни со вторым. Может быть, подумала она, это оттого, что мне страшно — но, когда страшно, не бывает скучно. Он толкнул её на диван, навалился тяжело, как два одеяла, — опрокинулись бокалы, алым залили белую нечеловечью кожу мебели, и Рита не боялась больше, только обрывисто, быстро думала.

Не о Лиле — она пыталась чувствовать скорбь и не могла, как в тот день, когда мама умерла и Рита смогла расплакаться только от мысли, что все накопленные ей и бабушкой Рите на Москву деньги пойдут теперь на мамины похороны. Только одну мысль о ней Рита ворочала в глубине сознания — она стала, стала наконец лучше Лили: она была жива, а Лили нет. В ней был хлеб Лили, под ней был диван Лили, на ней был муж Лили. На самом деле Лили не была умна. На самом деле Рита всегда была умнее её. Иначе Лили не выбрала бы себе подругу, которая будет воровать её вещи, и мужа, который её убьёт.

Она думала о том, как он был прав, всегда, во всём, и если бы она умела думать сама, то думала бы точно так же. Он напрасно считал её дурочкой — она не дурочка, теперь он поймёт. Она тоже думала о нём не так, как нужно. Она считала его тенью Лили, таким же снисходительно добрым без настоящей доброты, высокомерно умным без ума. Но на самом деле он был тенью Риты — она узнала это только что, он, должно быть, ещё не знал, — чёрным чётким контуром, который её серенький силуэтик отбрасывал на белую стену чистейшего, трупно-холодного кафеля.

— Давай танцевать, — выдохнула она едва освободившимся ртом. — Я хочу. Я слышала эту песню по радио.

Они танцевали лёжа. Облепив его руками, обвив ногами, вжимаясь щекой туда, где предположительно было сердце, Рита позволяла ему колыхать и гнуть её тело в такт

люющим с экрана звукам саксофона. Рита видела краем глаза, как девушка в белом платье лежала на мужчине в белом халате, а тот лежал в кровати, в тёмной и алой комнате, и она обнимала его тело, а он обнимал её голову, и её нос улёгся поверх его носа. Музыка текла через уши прямо в мозг и делала голову тяжёлой и мягкой. От Марка пахло дезодорантом, вином и кровью, и ямочка посередине его подбородка углублялась, когда он улыбался ей.

— Ты знаешь... — начал он в какой-то момент и не договаривал. Рита долго ждала, пока он доскажет фразу, а потом поняла, что она закончена.

— Ничего, — сказала она. Она не задумывала двусмысленности, так вышло само и вышло хорошо, потому что она сама не знала, что именно хотела сказать.

Из-за музыки они не смогли услышать это загодя, ещё из коридора — но скрип отворяющейся двери они, конечно, уже услышали. Рита отпрянула с полувздохом страха. Марк оцепенел.

То, что вползло в комнату, не могло быть Лилей, уже не было ей. В рыжих волосах засохли кровавые коросты, из беспорядочного месива ран исходили, перепутываясь между собой, алые дорожки. Бледное, искажённое от усталой боли лицо с усилием приподнялось, и глаза с кровоподтёками и потёками туши увидели Риту — по-настоящему, первый раз в жизни. Бывшая Лиля ничего не пыталась сказать и в любом случае не смогла бы — рот был заткнут платком, который она дарила Марку в прошлом месяце (#мужскаямода #модныймарк #мурк). Но её взгляд был криком.

Марк всё ещё был заперт в ступоре и не увидел вовремя, как Рита встала и потянулась к отодвинутому на край дивана большому белому блюду, где лежал хлеб и не только хлеб.

Нож вошёл легко и хрустко, добравшись до мякоти внутреннего мяса, спрятанного под коркой старых ран. Взгляд остановился и умолк, и на пол обильно хлынуло алое, свежее.

Рита аккуратно вытащила нож и обернулась к окаменевшему Марку, светя улыбкой ему в лицо. Провела пальцем по лезвию, языком по пальцу.

— Как много вина, — сказала она, доверительно понизив голос, — ужас как много вина.

Ночь между июлем и августом

.....

Утро

«Так ни поступают!!! Зачем ты меня получается поматросила и бросила????» — и следующим же сообщением: — «Да ты блин даже ни поматросила!!» Лана невесело хмыкнула и сделала скриншот. Подруги в чате, подумала она, наверняка это как-нибудь смешно прокомментируют, а юмор умеет выжимать из мерзостей всё мерзкое, оставляя только её обнажённую нелепую суть, невинный анекдот.

Лана уже сто раз пожалела, что согласилась поехать с мамой в санаторий — как она и ожидала, здесь не было никого близкого к ней по возрасту и бэкграунду: либо мамочки с детишками и, опционально, папочками, либо бодрые пенсионеры, либо не менее бодрые тётеньки примерно маминого возраста, которые ходят на скандинавскую ходьбу и ЛФК и занимают очередь к бювету с минеральной водой минут за десять до того, как он откроется. Лана очень надеялась, что с кем-нибудь из этих тётенок мама и подружится, но мама дружить с тётеньками не хотела, а хотела следить за развитием отношений Ланы и их соседа по столу, как будто это был новый сериал на канале «Домашний»: Лана по опыту знала, что именно там сериалы самые скучные.

А развития никакого не было и отношений, собственно, тоже — просто какой-то мутный мужик, видимо, не нашёл себе среди мамочек и бабулек лучшего варианта для курортной интрижки и принялся от безысходности окучивать Лану. Каждый его взгляд словно облизывал её: мокроватый язык резво скользил по мясистым губам, и Лану тошнило, когда она это видела.

— Что ты от него бегаешь-то, дурочка? — то ли зло издевалась, то ли правда не понимала мама. — Такой мужчина! Что ты, хочешь всю жизнь одна прокуковать за компьютером своим?

— Мам! Он же женат!

— А что, люди не разводятся, что ли? — парировала мама. — Очень часто.

— Да не в этом же дело, мам! Ему, блин, сорок лет или сколько там.

— Ну так и ты уже не девочка, между прочим. Было бы тебе хоть лет двадцать, ещё можно было бы выкобениваться, а сейчас ты радоваться должна... Да ещё Михаил такой шикарный мужчина!

Со вчерашнего вечера шикарный мужчина Михаил разошёлся окончательно. Раньше он приставал к Лане только очно и, возможно, оттого относительно целомудренно, но вчера он каким-то образом нашёл её в ВК и принялся напisyвать там. Проснувшись, она обнаружила, что он строил ей сообщение за сообщением всю ночь и половину утра, где, путаясь в буквах и пробелах, рвано ругал за то, что она якобы обещала с ним встретиться и не встретилась, а он, дескать, бедняга, прождал всю ночь...

Оповещения о новых сообщениях выпрыгнули на экран. «Да чё за трэш, — писала Надя. — В бан его кидай».

«Уже», — набрала Лана.

«Блэт, я бы после такого боялась одна по санаторию ходить, — высветилось сообщение от Алисы. — Это ж маньяк форменный, вон у него и психоз уже пошёл».

В чате заспорили об определении слова «психоз» и о том, не являются ли слова Алисы проявлением психофобии.

«Да немного стрёмно, конечно. Но мама сказала, он сегодня уже уезжает. Так что если на завтрак не пойду, то уже его и не застану, и слава богу лол».

— С утра уже с телефоном?

Мамина голова всплыла над поверхностью одеяла. Лана вздрогнула под прожектором её взгляда.

— Я тихонько, чтоб тебя не будить... — Лана сама не знала, почему она оправдывается: ничем помешать маме она не могла, звук был выключен, яркость экрана — приглушена. Но почему-то у мамы всегда было такое выражение лица, что Лана подспудно чувствовала себя перед ней виноватой.

— Светлана, — мама спустя столько лет так и не приняла её новое имя, — дело-то совсем не в этом. Меня просто беспокоит, что ты с самого со сранья хватаешься за телефон. У вас же у всех зависимость уже...

— Ладно, раз ты проснулась, то я в душ. — Лане совсем не хотелось в сотый раз слушать о том, что от телефонов идёт радиационное излучение, а ещё он отупляет и зомбирует всех, кто младше сорока. Для того чтобы сказать, что она сегодня не хочет идти на завтрак, момент тоже явно был неудачный. Изящно выворачиваться из таких ситуаций, ловко менять тему Лана не умела, поэтому в моменты, подобные этому, просто пыталась скрыться где-нибудь. Чаще всего «где-нибудь» оказывалось ванной.

В душе она долго стояла с закрытыми глазами, слушая, как струи шуршат по коже, бьются о колени, о локти, и очень

старалась ни о чём не думать. Потом вышла, немного подышала в такт сердцебиению и проговорила наконец на одном дыхании:

— Мам, можно я сегодня не пойду на завтрак?

Мама посмотрела длинно и нечитаемо Лане в лицо.

— А я как раз хотела тебя попросить, чтобы ты принесла мне с завтрака булочку и что-нибудь ещё, фрукты там, если будут... У меня очень сильно болит голова. Но если не хочешь, ладно уж, буду сахар жевать, всё равно у нас ничего больше нет...

— Нет, мам, — сказала Лана торопливо, чтобы не показаться плохой дочерью, — я схожу, я сейчас схожу и всё тебе принесу.

По лестнице ей ещё шагалось легко, но чем ближе она подходила к столовой — большому круглому залу на первом этаже, — тем сильнее её стягивало изнутри, удушье шарфом обвивало шею. Лане остро хотелось, чтобы его там не было, чтобы он устал её ждать и пошёл к чёрту или собирать вещи к отъезду, но она понимала, даже не видя его пока — он там. Он ждёт её.

Он действительно ждал — сидел над нетронутой тарелкой овсянки, в одиночестве за столом, и сканировал пространство красновато-припухшими глазами. Стараясь не попасться в поле его взгляда, Лана шмыгнула из-за чьей-то спины за колонну и осмотрелась в поиске нетронутых бананов и булочек за чужими столами.

Если бы она рассказала в чате, как шкерилась за колонной, девочки посмеялись бы этому как шутке. Это было к лучшему — она не то чтобы не доверяла им, просто привыкла прятать свою уязвимость. Ни к чему им было знать, что когда Лана видела его, то внутренне съёживалась до той